

МИЛА
РЕБРОВА

Сломанная НЕВЕСТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мила Реброва

Сломанная невеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71992357

SelfPub; 2025

Аннотация

– Вы меня убьёте? – мой голос звучит глухо, сдавленно. Братья стоят полукругом. Родные люди, те, кто должен был защищать, а не ломать меня.

– Ты опозорила семью. Мы смоем позор кровью.

Удар. Я падаю в грязь, и с разбитых губ срывается стон. Моё свадебное платье рваное, испачканное кровью. Я больше не надеюсь, не прошу. Просто закрываю глаза и жду конца.

Но вдруг резкий голос разрезает ночь:

– Что здесь происходит?!

Я вздрагиваю и открываю глаза. Передо мной он: высокий, хищный, совершенно чужой.

– Она позор семьи, – произносит кто-то из братьев.

– Вы её убиваете.

– Мы имеем на это право.

Он усмехается, качая головой:

– К чёрту ваш позор.

А потом его взгляд задерживается на мне:

– Ты хочешь жить?

Я не знаю, что ответить. Губы дрожат, голос едва не срывается:

– Да...

Он медленно сжимает кулаки.

– Тогда ты моя.

Пятеро мужчин против одного. Шансов нет. Но он их не считает. Он просто бросается в бой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мила Реброва

Сломанная невеста

Пролог

– Помогите!

Женский крик разорвал тишину ночи, пробежался холодом по спине и вонзился прямо в грудь. Так не кричат просто от страха. Так кричат, когда умирают.

Я резко остановился. Касим, погоня – всё исчезло. Остался только этот голос. Глухой, полный боли, срывающийся в истеричный хрип. Он не звал кого-то конкретного, он звал спасение.

Я рванул вперёд. Лес хлестал по лицу ветками, корни вырывались из земли, цепляя за сапоги, но мне было плевать. Я должен был успеть. Если этот голос замолчит, будет поздно.

Я вылетел на поляну и увидел ад.

Пятеро мужчин, шакалы, загнавшие жертву в угол. Они стояли кругом, а в центре – она. Хрупкая, сломанная, измученная. Белое платье прилипло к телу грязными лохмотьями, запятнанное тёмными пятнами. Кровь.

Я медленно выдохнул, чувствуя, как сжимаются кулаки. Свадебное. Свадебное?!

Она стояла на коленях, дрожащая, но не падающая. Руки

содраны в кровь, губы разбиты, щека опухла. Но она не плакала, не умоляла о пощаде. Просто смотрела вниз, как человек, который уже умер внутри.

– Поднимайся, дрянь! – голос мужчины прозвучал резко, как удар. Он схватил её за плечо и дёрнул вверх. Она шатнулась, но даже не попыталась сопротивляться, только прикрыла глаза. Как будто уже была далеко отсюда.

Я сжал кулаки.

– Что здесь происходит?!

Мужчины медленно повернулись ко мне. Они не испугались, не удивились. Смотрели, как на пустое место. Как на того, кто ничего не значит.

– Уходи, чужак, – холодно бросил один из них.

Я не сдвинулся.

– Вы её убиваете.

Другой, постарше, сложил руки на груди.

– Она опозорила нашу кровь.

Я стиснул зубы.

– Кем она вам приходится?

Старший посмотрел мне прямо в глаза.

– Мы её братья.

Меня будто ударило в грудь. Братья. Родные. И они избивают её до смерти.

Я снова посмотрел на неё. Сломанное тело, кровь, грязь, рваное платье. И глаза. Пустые. Без надежды. Она знала, что её никто не спасёт. Она смирилась.

Грудь сдавило от ярости, воздух сгустился. Казалось, само небо отвернулось от этой сцены.

Я шагнул вперёд.

– К чёрту ваш позор.

Старший напрягся.

– Ты не имеешь права вмешиваться.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– А вы не имеете права убивать.

Я больше не думал, не слушал, не видел ничего, кроме её пустых глаз. Кровь стучала в висках, руки сами сжались в кулаки, а тело уже двигалось вперёд, не давая возможности отступить назад. Я бросился в эту схватку, не раздумывая, не взвешивая шансы. Мне было всё равно, сколько их и кто они такие. Пусть хоть десять, пусть двадцать – я не мог просто стоять и смотреть.

Будь что будет. Битва началась.

Глава 1

Я никогда не знала, что такое детство. Смех, игры, тёплые мамины руки, ощущение безопасности – это было не про меня. В нашем доме женщина – никто. Я поняла это слишком рано.

Я не могла смеяться громко, потому что девочка должна быть скромной. Не могла задавать лишние вопросы, потому что женщине незачем думать. Не могла капризничать, потому что она обязана терпеть. Всё, что мне было дозволено, – молчать, опускать голову и слушаться мужчин. Я не была хозяйкой своей жизни. Я была её заложницей.

Я родилась через десять лет после последнего сына. Младшая. Единственная дочь среди четырёх братьев. Я видела, как в других семьях младших девочек балуют. Как отцы носят их на руках. Как матери любят, оберегают, утирают слёзы, когда они плачут.

Но это было не про меня.

Я не была любимой. Я не была желанной. Я была обязанностью. Нежданной обузой, которую надо было воспитать правильно. А значит – сломать.

С детства меня учили, что я не имею права выбирать. Я не могла дружить с кем хочу. Не могла выходить во двор и бегать, как другие дети. Если мальчикам позволялось носиться по улицам, задирали друг друга, кричать и драться, то мне

– нет.

– Девочка должна сидеть дома. Девочка должна быть тихой. Девочка должна быть покорной.

Я слышала это каждый день. Но самое главное – я не имела права спорить с братьями. Они были моим миром. И моей тюрьмой.

Мне было шесть, когда старший брат впервые ударил меня. Это случилось за ужином. На столе стояли тарелки с остывшей едой. Мальчики ели горячее. А мне поставили холодное, как будто это нормально. Я не поняла, почему так, и спросила:

– Почему у меня холодное? Я тоже хочу горячее.

Брат посмотрел на меня, словно я сказала что-то невообразимое. И ударил.

– Ты будешь есть то, что тебе дали.

Я прижала ладошку к щеке. От удара она горела, а на глаза навернулись слёзы. Но я не заплакала. Я знала – если заплачу, он разозлится ещё сильнее.

Братья рассмеялись.

– Смотри, какая гордая! Думает, что имеет право что-то требовать!

Я молчала, сжимая зубы. Отец даже не посмотрел в мою сторону. А мать опустила голову.

Но самое страшное произошло спустя минуту.

Отец отложил ложку, медленно вытер руки о край скатер-

ти и вдруг заговорил. Его голос был ровным, холодным, без эмоций.

– Если будешь перечить братьям, они сделают из тебя ту, которую никто не возьмёт замуж.

У меня внутри всё сжалось. Я не до конца понимала, что это значит, но чувствовала – ничего хорошего.

– Ты слышишь меня? – он поднял на меня взгляд.

Я кивнула.

– Скажи вслух.

Мои губы дрожали, но я заставила себя выдать:

– Да, отец.

– Вот и хорошо.

Он снова взял ложку и продолжил есть, как будто ничего не случилось. Я сидела, глотая ком в горле, но не проронила ни звука.

Я ждала, что ночью мать придёт ко мне. Что войдёт в комнату, обнимет, погладит по голове. Что шепнёт, что всё хорошо. Что они просто не понимают, что маленькая девочка не заслужила удара. Я ждала всю ночь. Но она не пришла.

Тогда я впервые поняла, что здесь всем на меня наплевать. Что никто не утрёт мне слёзы. Никто не скажет, что меня любят.

Я была сама по себе. И мне придётся самой учиться выживать.

В восемь лет я впервые испытала настоящий страх. До

этого мне было больно, обидно, горько, но не страшно. Я ещё не понимала, что может быть хуже удара, хуже холодно-го равнодушия матери, хуже равнодушного взгляда отца. Но в тот день я поняла.

Это началось с пустяка. Я мыла посуду, как делала каждый вечер, пока мои братья сидели в комнате и болтали. Руки были мокрые, губы сжаты. Я торопилась, потому что знала – если задержусь хоть на минуту, брат разозлится. Он уже звал меня, но я не могла бросить посуду – если не домою, потом меня же и накажут за это.

Я пыталась сделать всё быстро, но пальцы скользили по мокрым тарелкам, и страх только мешал.

– Сколько тебя ждать?! – раздражённо бросил он, не поднимаясь с дивана.

Я сглотнула, бросила полотенце и повернулась к нему.

– Я... я только закончила...

– Принеси мне воды.

Я хмуро посмотрела на него. Он сидел, раскинувшись на диване, держа в руках телефон, и даже не смотрел на меня. Просто кинул приказ, как будто я не человек, а мебель. Я посмотрела на него и впервые в жизни сказала:

– Возьми сам.

Тишина разрезала комнату. Как острый нож по натянутой ткани. Братья замерли. Секунда. Две. Я сразу поняла, что совершила ошибку.

Его глаза медленно оторвались от экрана, и он посмотрел

на меня другим взглядом. Не просто злым. Опасным.

– Что ты сказала?

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Я не должна была так говорить. Я должна была молчать и подчиняться. Я знала это. Но в тот момент что-то во мне взбунтовалось. Что-то маленькое, глупое, но слишком упрямое.

– Я сказала, возьми сам.

В следующий миг он уже был рядом. Рука вцепилась в мои волосы. Рывок. Я вскрикнула. Боль резанула по коже, и я упала на колени прямо на каменный пол. Слезы сами навернулись на глаза, но я не позволила им пролиться.

– Ты решила, что у тебя есть голос?!

Он дёрнул снова, заставляя меня поднять голову.

– Ты всего лишь девка! Ты – никто!

Я задрожала. Я хотела закричать, но не посмела. Я не могла ответить, не могла сказать, что мне больно. Потому что это разозлит его ещё сильнее. Он не хотел слышать оправданий. Он хотел слышать только послушание.

– Ты не имеешь права мне перечить!

Я только кивнула, хотя внутри всё кричало. Но ему было мало. Рывок – и меня швыряет в сторону. Я ударяюсь спиной о стену, воздух резко вырывается из лёгких. Грудь сдавило от ужаса.

Я не понимала, за что. За то, что отказалась принести стакан воды? За то, что осмелилась сказать “нет”? Я только начала понимать, что в этом доме женщина не имеет права го-

лоса. Но этого было недостаточно. Я должна была не просто понимать. Я должна была запомнить это навсегда.

Он медленно подошёл ко мне и присел рядом. Я чувствовала его дыхание, слышала его злую усмешку.

– Хочешь, я тебе кое-что объясню?

Я сжалась, стараясь стать как можно меньше.

– Ты – девка.

Я смотрела в пол.

– А знаешь, кто такие девки?

Я не ответила.

– Это те, кого можно ударить, если они забывают своё место.

Я покачала головой, словно это могло отменить его слова.

– И знаешь, что будет, если ты забудешь это снова?

Он наклонился ближе, и я почувствовала, как меня охватывает ужас.

– Я сделаю так, что ты никогда больше не сможешь перечить.

Я всхлипнула, но быстро зажала рот руками. Я знала, что плакать нельзя. Потому что это его только разозлит. Потому что он получит удовольствие, зная, что я боюсь.

– Всё поняла?

Я кивнула, не поднимая глаз.

– Скажи.

Я задохнулась.

– Поняла...

Он довольно хмыкнул.

— Вот и хорошо.

Когда он ушёл, я осталась лежать на полу. Мне было восемь. И я уже знала, что этот дом никогда не будет мне домом. Я никогда не буду здесь в безопасности. Меня не спасут. Меня не защитят. И если я хоть раз забуду об этом, то мне напомнят. Жестоко. Больно. Так, чтобы я больше никогда не смела спорить.

Мне было десять, когда отец впервые избил мать. Не просто накричал. Не просто толкнул. Он бил её. Бил так, что у меня до сих пор перед глазами стоит этот ужас.

Я сидела в углу кухни, играя с куклой. Маленькой, пластмассовой, с запутавшимися волосами. Других у меня не было. Эту я нашла пару месяцев назад в мусоре за домом. Братья смеялись, говорили, что игрушки для дураков, но я всё равно брала её с собой, когда могла. Сегодня можно. Сегодня я ждала, пока отец и братья поедят. Потому что мы с мамой ели после них. Так было всегда. Мы ждали. Даже если были голодны. Даже если ужин остывал и уже не был вкусным. Они должны были насытиться первыми.

Я сидела, тихо шевеля губами, будто разговаривая с куклой. Старалась не шуметь, не привлекать внимания. Но когда раздался звук удара, я всё равно вздрогнула.

Отец сплюнул чай на пол. Я увидела тёмное пятно на ковре. Мама стояла рядом с чайником. Руки сжаты в кулаки.

Пальцы дрожали. Она поняла, что случилось. Я нет. Ещё нет.
– Что это за дрянь?! Голос отца был спокойным. Я уже знала, что это самое страшное – когда он не кричит, а говорит тихо.

Мама замерла. – Чай...

– Ты считаешь меня идиотом?!

Она взялась за край стола, словно это могло её спасти. Но это было бесполезно. Она уже была виновата.

– Я... я, наверное, перепутала сахар с солью...

Секунду всё было тихо. Я почувствовала напряжение, как будто в воздухе застыло что-то страшное. Братья переглянулись. Один хмыкнул, другой скрыл улыбку за ладонью. А отец молниеносно поднялся.

Я даже не успела моргнуть. Глухой удар разорвал тишину. Мама отшатнулась назад.

– Ты тупая?!

Она схватилась за край стола, чтобы удержаться на ногах. – Простите... Я... я сейчас сделаю новый...

Отец снова ударил. Я замерла. Мама пошатнулась. Я видела, как она падает. Она упала на колени, выронив из рук полотенце.

– Ты хочешь, чтобы я пил грязь, а не чай?!

Я смотрела, не дыша. Я сжала куклу в ладонях, так сильно, что ногти впились в пластик. Я боялась пошевелиться. Но ещё больше боялась, что мама заплачет. Потому что если она

заплачет – он ударит сильнее.

Я не помню, как оказалась под столом. Но сидела там, сжавшись в комок. Сердце билось в ушах, дыхание сбивалось от страха. Я не могла даже вздохнуть.

В доме никто не вмешался. Братья не отвели глаз. Один из них спокойно жевал хлеб. Другой перелистывал телефон, не отрываясь от экрана. Будто это был не побои, а обычный семейный вечер.

Мама не кричала. Она только закрыла голову руками. Она уже знала, что это бесполезно. Она не пыталась защититься. Просто ждала, когда он устанет.

Я смотрела на неё и впервые поняла, что женщинам здесь не помогают.

Отец вышел из комнаты, словно ничего не случилось. Вернулся через минуту. Взял кусок хлеба. Сел за стол. Посмотрел на мать, которая всё ещё лежала у его ног.

– Сделай новый чай.

Мы не ели в тот вечер. Когда они встали из-за стола, ничего не осталось. Ни крошки хлеба. Ни глотка чая. Только грязные тарелки, небрежно оставленные на скатерти, и запах еды, который был хуже, чем голод.

Я не спросила у мамы, хочет ли она есть. Я и так знала ответ. Она сидела на полу, не двигаясь. Её руки дрожали. Лицо было бледным, на щеке расползлся след от удара. Я видела, что она слишком слаба, чтобы подняться. И не только из-за боли. Её сломали. Не этим вечером. Не этим ударом. Гораз-

до раньше.

Я просто села рядом. Поджала ноги к груди. Прислонилась плечом к её плечу. Она не посмотрела на меня. Просто глухо выдохнула.

В комнате было тихо. Они ушли, оставив нас в темноте. Только тихий стук часов и гул за окном. Я слышала, как мать медленно дышит, пытаясь пересилить боль. И я поняла – она не плачет. Не потому что не хочет. Потому что не может.

Я накрыла её ладонь своей. Она не отдернула руку. Но и не сжала в ответ. Я хотела сказать ей, что всё будет хорошо. Но не смогла. Потому что знала – не будет.

Я не помню, как закончился этот день. Но помню, что не спала той ночью. Я лежала, уткнувшись в подушку, и думала только об одном. Если однажды на её месте окажусь я... Никто даже не встанет из-за стола.

В двенадцать лет я случайно подслушала разговор братьев. Я не собиралась подслушивать. Просто шла по коридору, несла кувшин с водой, когда услышала своё имя. Остановилась. Замерла за дверью. И услышала то, что никогда не должна была слышать.

– Скоро можно будет отдать её замуж.

– Главное, чтобы не позорила семью.

Я почувствовала, как похолодели пальцы. Кувшин дрогнул в руках. Я сжала его крепче, боясь, что уроню и выдам себя. Они говорили обо мне. Но как о вещи. Как о чём-то, что можно передать из рук в руки. Как будто я не человек.

Как будто у меня нет ни чувств, ни мнения. Я хотела сказать, что я здесь, что я живая, что я слышу их. Но не смогла. Просто стояла в тени и слушала дальше.

– Надо подыскать ей хорошего жениха.

– Кто захочет такую? Упрямая.

– Вот именно. Надо найти того, кто умеет ставить баб на место.

– Отец решит. Он знает, кому её отдать.

Они говорили спокойно. Как будто обсуждали покупку скота. Как будто решали, кто купит старую корову или выберет лучшего барана. Только на этот раз я была этим бараном. Мне стало по-настоящему страшно. До этого я ещё надеялась, что у меня будет будущее. Что я сама выберу, кем быть, что делать, кого любить. Но в этом доме за меня уже всё решили.

– Может, подождём? Ей только двенадцать.

– Ты дурак? Какой подождём? Пусть привыкает к мысли.

– Ты думаешь, ей есть куда деваться?

– А если сбежит?

Я почувствовала, как перехватило дыхание. Если сбежит. Они даже это обсуждали. Даже это предусмотрели. Они знали, что я могу захотеть уйти. Но не боялись. Потому что были уверены – мне некуда идти. Один из братьев глухо рассмеялся.

– Сбежит? И куда? Её найдут через день.

– И тогда уже мы будем решать, что с ней делать.

В голосе было что-то ледяное. Что-то, от чего мне стало дурно. Я не помню, как оказалась в своей комнате. Не помню, как прошёл остаток дня. Только то, что сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно во всём доме. В ту ночь я не спала. Лежала в темноте, смотрела в потолок. И впервые в жизни почувствовала, что я в клетке. Что вокруг стены. Что мне никогда не выбраться из этого заточения.

В пятнадцать лет я в последний раз сказала “нет”. За это меня заперли в комнате на три дня. Без воды. Без еды. Без надежды.

К тому времени мамы уже не было. Она умерла, когда мне было тринадцать. Я помню тот день, но не её похороны. Меня не пустили.

– Девкам незачем смотреть на смерть.

Я не плакала. Не потому что не хотела. Потому что не могла. Я просто стояла у окна, смотрела на улицу и ждала, когда она вернётся. Но она не вернулась.

После её смерти многое изменилось. До этого меня хотели выдать замуж. Я случайно подслушала разговор братьев. Они решали мою судьбу. Но теперь разговоры прекратились. Потому что им был нужен кто-то, кто будет убирать, готовить, стирать. Мать больше не могла этого делать. Значит, теперь это моя обязанность.

Я вставала раньше всех. Топила печь. Разводила тесто для лепёшек. Подавала им воду, пока они ели. Стирала одежду.

Чистила ковры. А ночью, когда всё было сделано, просто падала на жёсткий матрас, чувствуя, как тело ломит от усталости. И так каждый день. Но я терпела. До того дня. До того, как в последний раз сказала “нет”.

– Почисти мои сапоги.

Я услышала голос брата и вздрогнула. Он сидел у стены, вытянув ноги, и даже не смотрел на меня. Просто кинул приказ, как всегда. Я стояла у печи, руки были в муке. Повернулась к нему.

– Сам не можешь? Я занята.

Тишина. Тяжёлая. Глухая. Я поняла, что совершила ужасную ошибку. Он медленно повернул голову.

– Что ты сказала?

Я сжала зубы, но не стала забирать слова обратно.

– Свои сапоги можешь почистить сам.

Следующее, что я почувствовала, – резкий рывок. Он подскочил с места и схватил меня за волосы. Я вскрикнула. Он дёрнул сильнее, и я упала на колени.

– Ты что, совсем страх потеряла?!

Его голос был глухим, полным злости. Я пыталась подняться, но он не дал мне этого сделать.

– Ты теперь думаешь, что ты хозяйка в этом доме?!

Я не ответила. Просто сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри всё горит от унижения.

– Запомни раз и навсегда. Ты – никто.

Он отпустил волосы и толкнул меня на пол. Я ударилась

локтем, но не закричала. Я не дала ему этого удовольствия. Но когда я встала, когда подняла глаза, мне хватило одного взгляда, чтобы понять – это ещё не конец.

Меня заперли в комнате. Без воды. Без еды. Без света. Без возможности выйти, заговорить, попросить. Я не знала, сколько прошло времени. Один день. Два. Три. В какой-то момент мне стало всё равно.

Я лежала на полу. Сухие губы. Жжение в желудке. Темнота давила. Голова гудела. Я не помнила, когда в последний раз двигалась. Когда в последний раз открывала глаза. Тело не слушалось. Сознание плыло.

А потом дверь открылась. Резко. В комнату хлынул свет, ослепляя. Я не смогла пошевелиться. Я просто лежала, не понимая, что происходит.

– Ещё не сдохла?

Я услышала голос брата. Он сказал это со смехом, как будто всё это было шуткой. Как будто это не было пыткой.

– Поднимайся.

Я не могла. Тело не двигалось. Он наклонился и схватил меня за руку, рывком дёрнул вверх. Я вскрикнула, но он не обратил внимания.

– Хватит валяться. Ты опять нужна в доме.

Я поняла. Это не было наказанием. Они просто поставили меня на место. Напомнили, кому я принадлежу.

В тот день я осознала правду. Я больше не принадлежу себе, и никогда не буду. Я их бесправная рабыня. Родилась

такой, такой и умру.

Глава 2

Мне было девять, когда я лишился всего. Когда наш дом сгорел до основания. Когда я в последний раз видел маму и папу. Когда тьма поглотила моё детство.

Я помню огонь. Он был везде. Он скользил по стенам, прыгал по полу, пожирал ковры, мебель, шторы. Он гудел, как живое существо, лакомясь нашим домом. Он уничтожал всё, что было нам дорого.

Я проснулся от дыма. Густого, едкого, заполнившего всё вокруг. Я не мог дышать. Я кашлял, пытался найти воздух, но только глотал гарь. В темноте метался, натёкался на стены, бился о края кровати. Я не понимал, что происходит.

А потом услышал мамин голос. Резкий. Испуганный. Но сильный.

– Бека! Алим! Джалил! Быстро выходите!

Я не знал, куда бежать. Вокруг пекло. Пламя лизало стены, как будто оно само было живым. Жар обжигал кожу, даже если я ещё не касался огня. Пол трескался. Ткань скручивалась под языками огня. Было страшно. Так страшно, что я хотел просто закрыть глаза и исчезнуть.

Но чьи-то сильные руки схватили меня за плечи.

– Бека, дыши! Ты слышишь меня?!

Я почувствовал свежий воздух, когда меня вынесли наружу. Я кашлял, захлёбываясь, пытался глотнуть воздуха, но

лёгкие будто сжались. Я видел небо, но оно было красным от пожара. Я видел Рашида, который дрожал так же, как я. Я видел Алима, который стоял рядом, прижимая к себе Джа-лила. Крепко. Как будто боялся, что и его тоже может забрать огонь.

Мы были живы. Но родителей не было.

А потом начался кошмарный шум. Соседи прибежали, но уже было поздно. Воду таскали ведрами, но она не спасала, только шипела на раскалённой древесине. Пламя поглотило дом полностью. Я искал их глазами. Я не хотел верить. Но когда огонь потух, когда кровля рухнула, превращаясь в горстку золы, мне стало ясно... Они не выбрались.

Я не заплакал. Я не мог. Я только смотрел, как место, где я жил, смеялся, играл с братьями, превращается в груды пепла. Я не мог пошевелиться. Мне казалось, если я вздохну, если издам хоть звук, меня тоже разнесёт по ветру, как золу.

Рашид стоял рядом. Я чувствовал, как он напрягся. Как сжал челюсти, сдерживая себя. Как его руки дрожали, но он не позволял себе сломаться. Тогда я понял – он теперь вместо отца. Но это не значит, что ему не больно.

Потом были похороны. Чёрные платки. Люди, говорящие тихо, с сочувствием. Руки, которые жали плечи, слова, которые ничего не значили. Я не слушал их. Я просто стоял, вцепившись в руку Рашида, и смотрел, как их тела исчезают в земле. Как будто их никогда не было.

После похорон дядя сказал, что заберёт нас к себе.

– Вы дети. Вам нужен дом.

Рашид смотрел на него холодно. Я видел, как его плечи напряглись, как он сжал кулаки.

– Они останутся со мной.

Дядя не ожидал такого ответа.

– Ты молодой. Тебе двадцать три. У тебя нет ни работы, ни денег, ни дома.

– Будет.

Его голос не дрогнул. Он стоял прямо, будто его невидимой силой держала эта решимость.

– Я сам позабочусь о братьях.

Дядя попытался возразить, но его слова ничего не значили. Рашид уже решил.

Мы остались на пепелище. Жить нам было негде. Но рядом с домом была пристройка, старый сарай, где когда-то держали инструменты и сено. Мы перенесли туда, что могли спасти из-под завалов.

Соседи пришли на помощь. Кто-то принёс доски, кто-то матрасы, кто-то еду. Женщины укутывали нас в одеяла, мужчины застеклили окна, кто-то привёз нам печь. За несколько дней сарай превратился в комнату, где можно было жить. Пусть не с комфортом, пусть без уюта, но вместе.

Но мы знали, что это временно. Сарая было мало. Мы хотели свой дом. Такой, как был раньше. Нет. Лучше.

Рашид сказал:

– Будем строить сами.

Джалил разложил бумаги, начертил план. Алим замерил землю, начал готовить площадку под фундамент. Я бегал по соседям, узнавал, где можно достать материалы подешевле. Мы делали всё сами. Ложили кирпичи, смешивали раствор, возводили стены. Рашид тратил все силы на стройке. Алим следил за деталями. Джалил подсчитывал расходы. Я таскал всё, что только мог поднять.

Мы засыпали на стройке, не успев дойти до сарая. Но не сдавались. И когда дом наконец встал, когда мы зашли внутрь, Рашид сказал:

– Это не просто дом. Это наша крепость.

И я поверил ему. Потому что если нам удалось выжить после этого... Нам удастся всё.

Глава 3

Когда родители умерли, у нас не было ничего. Мы не просто потеряли дом – мы потеряли всё, что было нашей защитой. Я тогда не понимал, как тяжело было Рашиду. Мне казалось, что всё как-то само наладится. Что дядя поможет, что соседи поддержат. Но жизнь не была такой простой. Никто не собирался вытаскивать нас. Никто не собирался давать нам лёгкий путь. Мы остались одни, без дома, без родителей, без плана на будущее. У нас была только земля, сгоревший пепелище, которое когда-то называлось домом, и брат, который взял на себя ответственность за всех. Мы начали с нуля.

Ферму мы поднимали своими руками, без чьей-либо помощи. Первое время мы спали в старом сарае, ели то, что могли вырастить, и работали без остановки. Вставали с рассветом, ложились за полночь, потому что другого выхода не было. Мы пахали, чтобы просто выжить. Тогда никто из нас не думал о будущем, мы просто делали всё, что могли, чтобы дожить до следующего дня.

Но даже в этих условиях Рашид понимал, что одной работы мало. Нам нужно было не просто физически строить ферму, но и развивать себя. Если ты не растёшь, если не учишься, если не понимаешь, как устроен этот мир, ты обречён остаться на том же месте, на котором начинал. Каждый из нас выбрал свой путь.

Рашид не учился официально, но он знал бизнес. Он изучал его сам, читал книги, спрашивал у знающих людей, искал связи. Он мог разобраться в любом вопросе, потому что знал, что от этого зависит наше будущее. Он стал лучше любого управленца, потому что жил этим. Алим выбрал экономику. Он понимал, что без грамотного финансового подхода даже самый успешный бизнес может рухнуть. Он разбирался в финансах, в распределении средств, изучал налоговую систему и инвестиции. Именно он помог нам наладить систему, которая превратила хозяйство в прибыльный бизнес. Джалил пошёл в управление. Он знал, как работают поставки, рынки, логистика, и мог организовать всё так, чтобы каждый процесс работал без перебоев. Он держал в голове тысячи мелочей, которые делали нашу работу стабильной.

А я выбрал агрономию. Земля – это наше всё. Она кормит нас, даёт нам силу, но если ты не знаешь, как с ней работать, ты просто копаешь в грязи, надеясь на чудо. Но чудес не бывает. Я изучил состав почвы, знал, какие культуры куда сажать, как ухаживать за растениями, как повысить урожайность. Если бы я не понимал этих вещей, мы могли бы потерять всё, что строили.

Учёба давалась нам нелегко. Мы работали, учились заочно, сдавали экзамены, пахали днём, а ночью зубрили. Но мы знали, зачем это. Мы не собирались быть просто фермерами. Мы строили своё будущее. Мы понимали, что если не будем развиваться, нас просто раздавят, как тех, кто не смог

выдержать конкуренции.

Со временем всё изменилось. Люди, которые сначала смотрели на нас с жалостью, потом с удивлением, а после с уважением, начали признавать нас. Мы стали теми, кто поднялся с нуля, кто не сломался, не разбежался, а сделал всё сам. Когда деньги пошли, когда мы начали зарабатывать больше, чем могли представить, я понял – мы сделали это. Теперь нам не нужно было просить ни у кого помощи. Теперь нас уважали.

Но даже все эти усилия не могли решить одну проблему. Вражду, которая висела над нами, как тень. Мы могли зарабатывать, могли строить ферму, могли стать теми, кого уважали. Но прошлое не отпускало. Оно всегда было рядом, оно шло за нами, словно волк, готовый перегрызть глотку в самый неожиданный момент.

И тогда Рашид решил по-другому.

Когда он вошёл в дом и объявил, что перемирие заключено, я сначала не поверил. Это звучало слишком просто. Десятилетия вражды, смерть, ненависть, и вдруг мир? Это невозможно. Но потом он сказал главное. Они поставили условие. Один из нас должен был жениться.

Я сразу понял, что он говорит о себе. Рашид никогда бы не позволил кому-то из нас связывать свою жизнь с женщиной, которую не выбирали сами. А если он уже принял решение, значит, отступать было нельзя. Мы с братьями не сразу это приняли. Впервые за долгое время у нас был настоящий

спор. Мы не понимали, зачем он это делает. Вражда была нашей реальностью, нашим укладом жизни. Мы привыкли, что их семья – это враги. Но он смотрел на нас холодно и уверенно. Сказал, что всё уже решено. Что это единственный способ остановить ненависть и не передать её нашим детям.

Я тогда впервые задумался о будущем. О том, что в этой войне нет конца, если кто-то не положит ей конец.

Глава 4

– Ты с ума сошла? Даже не думай об этом!

Я резко развернулась к Амине, а та только рассмеялась, поправляя платок, будто мои слова её совсем не задели.

– Почему бы и нет? Твой брат... он красивый, сильный, серьёзный.

Меня передёрнуло.

– Он бездушный, холодный, жестокий! Ты вообще понимаешь, о чём говоришь?

Она улыбнулась ещё шире, кокетливо накрутила прядь волос на палец.

– Все говорят, что он достойный мужчина. К тому же, я слышала, что он ищет себе жену.

Мои пальцы сжались в кулак.

Этого только не хватало.

Амина – красивая, видная девушка. Высокая, с длинными тёмными волосами, тонкими чертами лица, грациозная, как газель. Её отец заботился о ней, позволял учиться, баловал. Она росла в семье, где женщину уважали. Мягкая, добрая, улыбчивая, с горящими глазами. Она могла бы выйти замуж за хорошего человека, родить детей, жить спокойно. Но если Башир обратит на неё внимание...

Я почувствовала, как внутри всё сжимается от ужаса.

Башир не тот, с кем можно играть в глупую любовь.

Она этого не понимает. Она видит в нём сильного мужчину, надёжного, статусного. В глазах чужих людей он именно такой. Мужчина, которого уважают. Но я знаю, каким он бывает за закрытыми дверями. Как он смотрит на женщин в доме. Как он сжимает пальцы, когда что-то идёт не по его правилам.

Я знаю, что значит быть его семьёй. Это значит, что ты не имеешь права выбора, не имеешь права голоса. Ты просто существуешь рядом с ним, следуя его законам.

Амина не понимает, о чём говорит. Она думает, что если станет его женой, то получит статус, уважение, заботу. Но я знаю – она получит только страх, одиночество и боль.

– Послушай меня, – я схватила её за руку, сжав крепче, чем нужно. – Ты не знаешь его. Ты видишь только то, что он показывает людям. Но я выросла рядом с ним. Я знаю, каким он бывает дома.

Амина нахмурилась, но в её глазах не было страха. Скорее, настороженность, лёгкое сомнение.

– Ты преувеличиваешь.

Я покачала головой.

– Нет. Я тебя предупреждаю. Ты не хочешь быть его женой.

Она задумалась, но я видела, как внутри неё продолжает гореть эта глупая идея.

Я тяжело вздохнула.

Если она не передумает, то это закончится плохо.

Потому что, если Башир заметит это, ей несдобровать. Её жизнь превратится в ад.

Я не могла спокойно сидеть, пока она говорила эти глупости. Мне нужно было донести до неё, что Башир – это не тот мужчина, с которым стоит связывать свою судьбу. Она видела красивого, уверенного в себе человека, сильного мужчину, которого уважали. Но я знала правду.

– Ты хоть понимаешь, что он сделает с тобой, если узнает? – прошипела я, вцепившись в её запястье.

Амина только удивлённо моргнула, не до конца понимая, почему я так завелась.

– Почему ты так реагируешь? – она убрала мою руку, но не разозлилась, скорее, растерялась. – Что в этом плохого?

Я сжала губы. Она не понимала. Её никто не бил по рукам за лишний взгляд. Никто не запирали её в комнате, если она не слушалась. Она не видела, как отец избивал мать. Её никто не растил, как вещь, которая должна молчать, угождать и терпеть. Она жила в другой реальности.

– Ты думаешь, это будет любовь? Думаешь, он будет дарить тебе цветы, баловать, смотреть на тебя, как в сказках? – я горько усмехнулась. – Ты не его женщина. Ты будешь его вещью.

– Ты слишком драматизируешь, – поморщилась Амина, но я заметила, как она передёрнула плечами, словно мои слова пробежали холодом по её коже.

Я встала и отошла к окну, стараясь успокоиться.

– Если ты не остановишься, он заметит, – тихо сказала я, не оборачиваясь.

– Что заметит?

– То, как ты на него смотришь.

За моей спиной повисла тишина.

Амина не ответила сразу. Я слышала, как она тяжело вздохнула, как сжала пальцы в кулаки.

– Он ищет себе жену, – повторила она.

Я развернулась.

– Да. И ты не должна ею стать.

Она упрямо нахмурилась.

– Почему?

Я подошла ближе, заглянула ей в глаза.

– Потому что ты не переживёшь этого брака.

Она открыла рот, но ничего не сказала.

Я видела в её взгляде сомнение, испуг, нерешительность.

И я надеялась, что эти эмоции победят её дурацкую влюблённость, пока не стало слишком поздно.

Но я уже знала, как всё будет.

Башир увидит её.

Башир решит, что она ему подходит.

А если Башир чего-то хочет – он это получает.

И тогда уже никто не сможет её спасти.

После ухода Амины я долго не могла прийти в себя.

Сидела на полу, бессмысленно теребила уголок платка и

пыталась убедить себя, что всё не так страшно. Что она передумает. Что Башир даже не заметит её.

Но внутри всё сжималось.

Амина... такая глупая, такая наивная. Как она вообще могла подумать о нём? О Башире. О человеке, который никогда не будет любить, не будет заботиться, не будет беречь.

Она была моей единственной подругой.

Единственным человеком, с кем я могла говорить.

Я не знала, что такое дружба, пока не познакомилась с ней. Не знала, как это – смеяться, делиться мыслями, чувствовать себя не одинокой.

В её доме всё было по-другому. Отец не приказывал, а спрашивал. Мать не молчала, а говорила. Амина жила в уважении, в тепле, в заботе.

А я?

Я видела, как отец бил мать за пересолённый ужин. Видела, как братья смотрели на женщин в доме, будто на прислугу. Видела, как старший решал, что будет с младшими, а младшие молча соглашались, потому что перечить нельзя.

Я знала, как это будет.

Брат увидит её. Он заметит, как она смотрит на него. Он почувствует, что может взять её себе.

И тогда она не сможет сбежать.

Я привела её в дом. Я. Пусть и тайком, пусть и тогда, когда никого не было, но это я дала ей возможность пересечься с ним. Я позволила ей увидеть его не таким, каким его знала я.

Она видела в нём силу, уверенность, статус.

Я видела в нём зверя.

Паника разлилась внутри ледяной волной.

Что делать?

Я не могла сказать ей больше. Если я расскажу, что происходит в нашем доме, что значит быть сестрой Башира, она не поверит. Она скажет, что я преувеличиваю. Она скажет, что у всех семьи разные, и что он с женой будет другим.

Она не понимает.

А если я начну настаивать, если буду пытаться напугать её... она может обидеться. Может перестать приходить.

Может... сказать кому-то, что я веду себя странно.

А если Башир узнает, что я пытаюсь кого-то оттолкнуть от него?

Я вздрогнула.

Нет. Мне нужно было быть осторожной.

Я должна сделать так, чтобы она сама передумала.

Но как?

Если бы у меня был хоть один шанс объяснить... Если бы у меня было хоть одно слово, которое могло бы остановить её.

Я прикрыла глаза, сжимая пальцы так сильно, что ногти впились в ладонь.

Должен быть способ.

Я найду его.

Потому что, если Амина попадёт в этот дом, если её вы-

дадут за Башира...

Я потеряю единственного человека, кто видел во мне не просто чью-то сестру.

И это будет моя вина.

Бека

В брачную ночь Рашида мы с братьями собрались на кухне. Каждый пытался занять себя делом – кто-то пил чай, кто-то крутил в руках ложку, но никто не разговаривал. Мы просто слушали. Мы понимали, что сейчас происходит в его комнате, и, что уж скрывать, немного завидовали. Не браку, не ответственности, а самому факту – у Рашида в кровати была женщина. Тёплая, живая, податливая. И какой мужчина был бы против? Даже если бы женитьба была вынужденной, даже если бы он сам этого не хотел, факт оставался фактом: он мог взять её.

А потом он спустился. Лицо каменное. Глаза тёмные, жёсткие.

– Она не девственница.

Тяжесть этих слов разлилась по кухне, как пролитое вино.

Я не сразу понял.

Не сразу осознал смысл.

Но когда понял... Жар пошёл по спине. Это что, шутка?

Нечистая невеста? В браке ради перемирия?

Я посмотрел на братьев. Алим сидел напряжённый, Джалил сжал челюсть, взгляд вспыхнул гневом. Я сам почувствовал, как внутри всё закипает.

– Едем, – сказал Рашид.

Без объяснений. Без вопросов.

Мы поднялись из-за стола.

Мы не знали, что там будет.

Но чувствовали – просто так это не закончится.

Дом её семьи был ещё полон людей. Когда мы вошли, все замерли. Как будто нас не ждали, но знали, что мы придём. Я видел, как мужчины обменялись взглядами, как женщины поспешно опустили головы, как дядя Зумрат медленно поднялся со своего места. Тишина сгустилась.

Рашид не торопился заговорить. Он просто смотрел. И этого хватало, чтобы все почувствовали, насколько он зол. Он был готов разнести этот дом, если не услышит того, что хотел.

– Мы не знали.

Я видел, как в глазах Рашида мелькнуло что-то хищное.

– Как могли не знать?

Голос его был ровный, спокойный. Но именно этот тон всегда значил, что человек, к которому он обращается, на волоске.

– Она молчала, – выдавил кто-то.

Я сжал кулаки. Молчала? Они даже не пытались узнать. Не пытались понять. Просто закрыли глаза. Как можно не увидеть травму тринадцатилетнего ребенка?!

Я чувствовал, как во мне растёт ненависть. Я не видел её насильника. Но знал, что он где-то здесь. Я знал, что если

встречу его взгляд – я убью его на месте. Быстро. Или нет. Медленно. Больно. Так, чтобы он знал, за что умирает.

Рашид сделал шаг вперёд. Все напряглись.

– Мы забираем её.

Это был не вопрос. Не просьба. Он не оставлял им выбора. Они могли возмущаться. Могли пытаться оправдаться. Но не стали. Потому что знали – не сработает. И я видел в их глазах... облегчение. Они хотели этого. Они хотели избавиться от неё. Она была их позором. И теперь её забирали. Им это было выгодно. И от этого хотелось быть.

Мы не стали задерживаться. Мы просто уехали.

А потом... Потом началась новая жизнь.

Зумрат боялась нас. Я это видел. Но я видел и другое. Она пыталась быть полезной. Она не пыталась заслужить наше одобрение – но заслужила его. Она не лезла к нам, не задавала лишних вопросов, но каждый день на столе был завтрак. Одежда всегда была чистой. В доме было тепло.

И мы это видели.

Сначала уважение.

Потом принятие.

Потом любовь.

А Рашид... Он изменился. Сначала он был сдержанным. Держал дистанцию. Но я видел, как он смотрел на неё. Как говорил с ней. Как касался, будто сам не понимал, зачем.

И мы молчали. Потому что знали. Зумрат не была ему чужой. И теперь уже никогда не станет.

И глядя на них, мы с братьями понимали, что Рашид заслужил это счастье. Всю жизнь он был только для нас. Заботился, работал, поднимал нас на ноги. Он никогда не жил для себя, никогда не позволял себе думать о своём счастье. Всегда только о нашем.

И теперь, когда мы видели, как он смотрит на Зумрат, как обнимает её, как держит за руку, когда думает, что никто не видит... Мы понимали, что он нашёл то, чего не искал, но что ему было нужно.

Рашид всегда был для нас старшим братом, защитником, мужчиной, на которого мы равнялись.

И сейчас он был просто мужчиной, который получил своё счастье.

И глядя на них...

Я впервые задумался. А может, когда-нибудь...И мне захочется того же.

книга про Рашида и Зумрат Невеста не девственница

Глава 5

Амина не послушала меня.

Я чувствовала это ещё до того, как всё произошло. Видела в её глазах то упрямство, ту наивную веру в судьбу, что губила девушек. Она думала, что всё в её руках. Что если она захочет, то сама выберет себе мужа.

Она не понимала одного – в нашем мире выбор был иллюзией.

Я боялась за неё. Я старалась предупредить, но что может сделать одна женщина против глупости другой?

Она попалась на глаза Баширу.

Я не знаю, как это случилось. Она всегда была осторожна. Мы всегда прятались, встречались, когда братьев не было дома. Но в тот день, в тот роковой миг, что-то пошло не так. Может, она осталась в саду слишком долго. Может, не смогла спрятать блеск в глазах, когда смотрела на него.

Может, судьба сама толкнула её ему в руки.

Я узнала об этом случайно. Подслушала разговор.

– Ты решил?

– Да.

– Когда?

– Скоро.

Они говорили тихо, но я знала этот тон. Так мужчины говорят о чём-то уже решённом.

О браке.

Я вжалась в стену, сердце бешено колотилось в груди.

Башир выбрал жену.

Я знала, что он ищет. Отец говорил, что ему пора, что к тридцати мужчина должен иметь жену и детей, а Башир всегда слушал отца.

Но я не думала...

Я не хотела думать, что это будет она.

Амина.

Я прижала ладони к лицу, стараясь не застонать в голос.

Он её заметил.

Теперь она пропала.

Я бросилась к ней на следующий же день, не думая, что делать, не зная, как предупредить, как спасти.

Она встретила меня с улыбкой.

– Ты знала, что твой брат скоро женится? – спросила она, и в её голосе было что-то странное, что-то звонкое, как будто она ждала этого.

– Амина...

– Знаешь, Сафия, я, кажется, больше не сомневаюсь.

Я замерла.

– В чём?

Она улыбнулась, такая счастливая, такая светлая, что мне захотелось закричать.

– В том, что люблю его.

Я закрыла глаза.

Всё.

Она погибла.

— Амина, он тебя сломает, — выдохнула я. — Ты не понимаешь, что говоришь.

Она наклонила голову, не спуская с меня взгляда.

— Может, ты преувеличиваешь?

— Может, ты глупая? — вспыхнула я. — Может, ты не знаешь, как он живёт, как смотрит на женщин, как относится к семье! Может, ты слепая?!

Я сорвалась, я не хотела кричать, но у меня не было выбора.

Она не слушала.

Она уже выбрала свою судьбу.

А я ничего не могла сделать.

Башир решил.

И он не привык отказываться от своего.

После того разговора с Аминой я была, как на иголках. Сердце билось в груди так громко, что казалось, его могли услышать все. Мне хотелось сказать ей, чтобы она бежала, чтобы спасалась, но я знала, что это бесполезно. Она уже сделала свой выбор.

Но я не знала, что после этого последует удар, которого я совсем не ждала.

Я услышала разговор случайно.

Дом был большой, но я давно знала, где можно спрятать-

ся, чтобы услышать то, что мне слышать было не положено. Так я и оказалась у двери кабинета, где отец и братья говорили о свадьбе Башира.

– Хорошая девушка, – сказал отец. – Красивая, покорная. Башир её уже выбрал?

– Да, – кивнул кто-то из братьев. – Уже договорились с её семьёй. Всё будет по традициям.

– Хорошо, – отец шумно выдохнул. – Раз в дом войдёт невестка, пора и Софию выдать.

Меня словно ударили в грудь.

Я прижалась к стене, дыхание перехватило.

– Зачем тянуть? – продолжил отец. – Ей уже пора. Нечего в доме молодой девушке делать, незачем болтаться под ногами.

– Она ещё молода, – осторожно вставил кто-то из братьев.

– Тем лучше! – отрезал отец. – Девушка в доме – проблема. Она уже взрослая. Сегодня-завтра начнутся разговоры, слухи. Пока она здесь, мы за неё в ответе. Пусть выходит замуж. Пусть будет чьей-то заботой.

Я сжала зубы, чувствуя, как в горле встал ком.

Я не была их заботой. Я не была их проблемой.

Я была их сестрой.

Но никого это не волновало.

– Кому отдашь? – спокойно спросил Башир.

Я зажмурилась.

Они говорили обо мне так, словно меня не существовало.

Будто я товар.

Будто у меня нет ни мнения, ни будущего, ни голоса.

– Найдём подходящего человека, – сказал отец. – Времени

тянуть нет.

Я отшатнулась от двери, сердце бешено билось в груди.

Меня выдадут.

Меня продадут.

И я ничего не смогу с этим сделать!

Я знала, что они не будут тянуть.

После того разговора я не спала несколько ночей, ожидая, когда мне скажут, кого выбрали мне в мужа. Отец никогда не откладывал такие вещи. Если он принял решение, значит, вопрос был уже решён.

Но даже я не ожидала, насколько жестоким окажется его выбор.

В этот день я уже чувствовала тревогу в воздухе. Что-то было не так. Братья молчали за ужином, переглядывались, но ничего не говорили. Отец почти не смотрел в мою сторону, но я знала – это ненадолго.

Когда Башир вошёл в комнату и приказал мне идти в гостиную, холод прошёлся по спине.

Я зашла, стараясь держаться ровно. Отец сидел в кресле, его руки покоились на подлокотниках, взгляд был тяжёлым, как всегда. Братья стояли рядом, спиной к окну, и я не могла прочитать выражение их лиц. Только Башир смотрел прямо

на меня. Словно уже знал, что я буду сопротивляться.
– Мы выбрали тебе мужа, – спокойно произнёс отец.
Меня передёрнуло.
Я крепче сжала пальцы, стараясь не выдать тревогу.
– Кто? – мой голос звучал ровно, но я чувствовала, как дрожит сердце.

Отец взглянул на Башира, и тот склонил голову чуть вбок, лениво рассматривая меня.

– Ты знаешь Яхью, – сказал он.

Всё внутри меня оборвалось.

Я знала.

Знала, кто такой Яхья.

Ему под пятьдесят. Богатый, влиятельный, со связями. Его сыновья уже нашли себе жён, а сам он остался вдовцом.

Про его первую жену никто не говорил вслух. Одни шептались, что она сбежала, другие – что он убил её. Однажды я видела, как он смотрел на женщин. В его взгляде не было ничего человеческого.

Я почувствовала, как холод прокатился по телу, пробежался по коже мурашками.

– Нет, – выдохнула я.

Отец прищурился.

– Что?

Я шагнула назад.

– Нет!

Я не думала, не контролировала себя.

Я знала, что нельзя.

Знала, что мои слова ничего не значат.

Но я не могла промолчать.

– Я не выйду за него! – сказала я громче. – Он старше меня на двадцать пять лет!

– Это хорошая партия, – бесстрастно ответил отец. – Он богат. У него репутация. Он обеспечит тебе достойную жизнь.

– Я не хочу!

Я сделала ещё шаг назад.

Меня трясло.

Это было слишком.

Слишком несправедливо.

– Ты выйдешь за него, – голос Башира был жёстким. – Этот вопрос не обсуждается.

– Я не согласна!

Я знала, что меня ударят, но не смогла удержаться.

Башир двинулся первым.

Я едва успела отпрянуть, но он схватил меня за запястье и дёрнул вперёд.

– Слушай сюда, – процедил он, нависая надо мной. – Если ты попробуешь опозорить семью, я оторву тебе голову. Ты думаешь, твои капризы что-то значат?

Я зажмурилась, когда его пальцы сжались на моей руке.

– Ты выйдешь замуж сразу после моей свадьбы. Так что смирись с этим.

Я стиснула зубы, подавляя подступившие слёзы.

Я знала, что спорить бессмысленно.

Они уже всё решили.

Я вспомнила свою мать. Она тоже не хотела выходить замуж. Она тоже пыталась сопротивляться. И её сломали.

Я видела женщин, которые не соглашались.

Я знала, что их ждало.

Я опустила голову.

Но в груди горел огонь.

Пусть они думают, что я смирилась.

Пусть считают, что я уже проиграла.

Но пока я дышу, пока у меня есть хоть малейший шанс...

После этого разговора я больше не была собой.

Раньше я знала, что не принадлежу себе. Знала, что они однажды решат мою судьбу. Но теперь, когда это случилось, когда они сказали мне имя моего будущего мужа, я чувствовала, будто меня заживо закапывают в землю.

Я не плакала. Не кричала. Я просто молчала.

Башир был доволен. Ему нравилось, когда я замолкала. Он думал, что я приняла свою судьбу. Что я подчинилась.

Но внутри меня горела ненависть.

Я видела, как они спокойно продолжили жить своей жизнью. Как обсуждали мою свадьбу, будто речь шла о продаже скота. Как отец хмурил брови, обсуждая условия брачного договора, а братья кивали, соглашаясь с его словами.

– Он хочет свадьбу через месяц, – сказал однажды отец.
– Чего тянуть, – отозвался Башир. – Чем быстрее, тем лучше.

Чем быстрее я исчезну из их дома.

Чем быстрее они избавятся от меня.

Я смотрела на них и не верила, что когда-то считала их своей семьей.

Я надеялась, что хоть кто-то из братьев заступится.

Но никто не сказал ни слова.

Мне не разрешали выходить из дома.

– Невесте нечего шататься по улицам, – бросил отец.

А я знала правду. Они боялись, что я сбегу.

И были правы.

Я не собиралась оставаться здесь.

Я не собиралась становиться женой Яхьи.

Но сбежать?

Куда?

К кому?

В этом мире у меня никого не было.

Я сидела в своей комнате, глядя в окно, и впервые чувствовала себя полностью загнанной в угол.

Но если они думают, что я послушно надену свадебное платье и пойду за этим стариком, то они плохо меня знают.

Я найду выход.

Я не стану его женой.

Во что бы то ни стало.

Свадьба Башира и Амины состоялась через две недели.

Я не выходила из комнаты, когда в дом привели невесту. Не могла.

Мне даже думать было страшно о том, что чувствовала Амина в этот момент.

Она сама выбрала эту судьбу. Она верила, что Башир – сильный, достойный мужчина. Что рядом с ним она будет в безопасности.

Но я знала правду.

Я видела, как женщины в доме украдкой переглядывались, обсуждая её за спиной. Как мужчины похлопывали Башира по плечу, поздравляя с удачной партией. Никто не сомневался, что этот брак правильный. Никто не думал о том, чего хочет она.

Я стояла у окна, глядя, как во дворе суетятся женщины, как мужчины готовят столы, как на воротах развешивают украшения. Весь дом наполнился гостями, родственниками, соседями. Все радовались, поздравляли друг друга, говорили о Башире, как о лучшем женихе.

Только я не могла радоваться.

Когда стемнело, меня позвали к столу.

Отец не позволил мне сидеть в комнате в день свадьбы брата.

– Ты не опозоришь семью своим поведением, – бросил он, даже не глядя на меня.

Я молча вышла.

Гости веселились. Башир принимал поздравления, его лицо было спокойным, даже немного гордым. Он был доволен. Как и все вокруг.

Амина находилась рядом с женщинами, её лицо закрывала фата.

Я не знала, что она чувствовала. Она не смотрела на меня.

Я тоже не могла на неё смотреть.

Больше всего мне хотелось сказать ей: *Ты сделала ошибку.*

Но теперь уже поздно.

Её судьба решена.

Её жизнь теперь принадлежит ему.

Я не смогла проглотить ни кусочка еды.

Когда начались танцы, я незаметно вышла.

Свежий воздух обжёг кожу.

Я прислонилась к стене, закрыла глаза и попыталась дышать.

Но внутри всё было тяжёлым, как камень.

Башир женился.

Теперь моя очередь.

Я знала, что он не даст мне времени.

Завтра, максимум через пару дней, отец объявит о моей помолвке.

Я чувствовала, как уходит почва из-под ног.

Я не могла допустить этого.

Я должна была что-то сделать.

Но что?

Куда мне бежать?

От кого просить помощи?

Я не знала ответа.

Я чувствовала только одно.

Если я не уйду сейчас...

Я никогда уже не выберусь.

Я долго стояла на крыльце, не решаясь вернуться обратно.

В доме было шумно, веселье только набирало обороты.

Я сделала пару шагов во двор, глядя на мерцающие в темноте огни. Где-то вдалеке слышался женский смех, кто-то из детей пробежал мимо, поскользнувшись на камнях.

– София, ты почему тут стоишь?

Я вздрогнула и резко обернулась. Одна из родственниц матери стояла в дверях, укутанная в шерстяной платок, с хитрым прищуром на лице.

– Твой брат сегодня женился, а ты тут, как тень. Разве тебе не радостно?

Я не нашлась, что ответить.

Женщина усмехнулась, махнула рукой.

– Что ж, тебе скоро тоже радоваться. Девушки долго в доме не засиживаются.

Она ушла, а я осталась стоять, вцепившись пальцами в края рукавов.

Мне не нужно было напоминаний. Я знала, что меня ждёт.

Я знала, что от меня не ждут возражений.

Я знала, что после свадьбы Башира меня выдадут замуж.

Я была товаром.

И если я не уйду...

Меня купят.

И я навсегда останусь в этой клетке.

Бека

Завтра нам предстояло ехать в дом родственников Зумрат.

Праздник. Гостеприимство. Традиции.

Всё, как должно быть.

Но мне было плевать на традиции.

Я сидел в гостиной, и думал только об одном – *нахрена мы вообще туда едем?*

С того момента, как мы забрали Зумрат из их дома, я даже слышать не хотел об этих людях. Мне было противно думать о том, что мы сидели за одним столом с теми, кто предал собственную дочь. И вот теперь мы поедем туда, как будто ничего не случилось. Как будто это обычный визит родных.

Я посмотрел на Рашида. Он сидел спокойно, руки лежали на коленях, взгляд ровный, сосредоточенный. Снаружи – камень. Как всегда.

Но я знал, что внутри него не всё так просто.

Зумрат тоже молчала. Она смотрела в свою чашку, склонив голову, её пальцы чуть дрожали, хотя она пыталась этого не показывать. Я видел, как она напряглась, и прочувствовал злость на Рашида. Почему он не остановит ее?

– Ты не обязана туда ехать, – сказал я вдруг.

Она подняла на меня глаза.

– Это всего лишь на пару дней, – тихо ответила она.

Но я видел в её взгляде что-то другое.

Она не хотела туда возвращаться.

Но понимала, что выбора у неё нет.

– Это показуха, – буркнул я, скрестив руки на груди. –

Они зовут нас только потому, что теперь ты жена Рашида.

Чтобы показать, какие они хорошие, чтобы соседи увидели, что у вас нормальные отношения.

Зумрат молча смотрела перед собой.

– Ты правда хочешь это терпеть?

– Я не терплю.

Она повернула голову, посмотрела на Рашида, потом снова в чашку.

– Просто так надо.

Я закатил глаза.

Так надо.

Ещё одно дерьмовое правило этого общества.

Алим сидел рядом, молча слушая наш разговор. Джалил смотрел в телефон, но я знал, что он тоже всё слышит.

– Нам нужно показать, что перемирие реально, – наконец сказал Рашид.

Я фыркнул.

– Как будто кто-то в это верит.

– Верят или нет – неважно. Главное, чтобы не было повода

для новой вражды.

Я помотал головой, глядя на них.

Гребаная политика.

Мы могли бы просто жить своей жизнью, забыв об этих людях, но нет – нужно соблюдать традиции, ездить в гости, улыбаться, как будто ничего не случилось.

Я перевёл взгляд на Зумрат.

Она держалась.

Но я знал, что внутри у неё сейчас всё горит.

– Если кто-то скажет тебе хоть слово, они сильно пожалеют.

Она улыбнулась уголком губ, но ничего не ответила.

А мне хотелось, чтобы она не улыбалась, а честно сказала, что думает.

Но, похоже, это был ещё один бой, который ей приходилось вести в одиночку.

Второй день после свадьбы был тихим. Слишком тихим.

Гости уехали, во дворе всё убрали, дом снова стал обычным – без шумных застолий, без музыки, без смеха. Башир куда-то ушёл с утра, отец тоже. Остались только женщины, и они переговаривались на кухне, будто ничего не изменилось.

Но изменилось.

Амина сидела у окна, не притрагиваясь к завтраку. Она просто смотрела в пустоту, теребя кончик платка. Вчера она улыбалась, смеялась, принимала поздравления. А сегодня...

Сегодня она была другой.

Растерянной. Молчаливой.

Я не спрашивала, почему.

Не хотела знать, что произошло в её брачную ночь.

Не хотела знать, что было утром.

Я не хотела знать ничего.

Я занялась делом, чтобы не думать об этом. Мыла посуду, расставляла чашки, протирала стол. Хотела, чтобы мои руки были заняты, чтобы голова не успевала думать.

Амина молчала.

Я чувствовала на себе её взгляд, но не поднимала глаз.

– Сафия... – наконец тихо позвала она.

Я вытерла руки полотенцем, но не ответила сразу.

Она ждала, что я что-то спрошу.

Ждала, что я поинтересуюсь, как прошла её первая ночь в браке, счастлива ли она.

Но я не спросила.

Я не хотела знать.

– Ты счастлива? – ровным голосом спросила я вместо этого.

Амина вздрогнула.

Она не ожидала этого вопроса.

Я посмотрела на неё, ожидая ответа.

Она замялась, сглотнула, сжала пальцы в кулак.

– Конечно... – её голос был слабым, неуверенным.

Я кивнула.

Разговор закончен.

Я развернулась и вышла из кухни.

Мне не нужны были её объяснения.

Она сделала выбор.

И теперь ей придётся с этим жить.

Прошло ещё несколько дней.

Я почти не разговаривала с Аминой. Она тоже не искала встречи, не навязывалась, не пыталась говорить со мной так, как раньше. Её улыбка стала реже появляться на губах, а в глазах было что-то новое – что-то, что я не хотела разглядывать.

Башир был доволен. Отец был доволен. Женщины в доме перешёптывались о том, как удачно всё сложилось.

А я ждала.

Ждала, когда наступит моя очередь.

И она наступила.

На третий день отец велел мне собираться.

– Поедем выбирать тебе платье, – сказал он так, будто говорил о покупке нового ковра в гостиную.

Я не спорила.

Не возражала.

Не показывала, как внутри меня всё клокотало от ужаса.

Я просто молча накинула на голову платок и пошла за ним.

Мы ехали в город. Со мной была тётя и две женщины из

семьи жениха. Они улыбались, говорили что-то между собой, выбирали наряды, обсуждали ткани.

А я шла среди них, чувствуя, как будто меня ведут на убой.

Бутик был большим, просторным, полным сверкающих тканей, белого кружева, шелка, золотых нитей. Вся роскошь, которой меня никогда не баловали, теперь расстилалась передо мной.

Но я не хотела этой роскоши.

Я не хотела этого платья.

Я не хотела этого брака.

– Выбирай, – сказала одна из женщин.

Я молчала.

Мои пальцы прошлись по кружеву одного из нарядов.

Такое тонкое, нежное... как насмешка над тем, что со мной собирались сделать.

– Это хорошее, – кивнула тётя. – Богатый узор, дорогая ткань.

Я выбрала самое простое.

Без золота. Без вышивки.

Скромное.

Мне не нужно было наряжаться, чтобы выглядеть как принцесса.

Я не шла на бал.

Я шла на убой.

– Оно красивое, – похвалила одна из женщин, но я видела,

что ей не нравится мой выбор.

Им хотелось роскоши.

Им хотелось показать, какую невесту берёт их сын.

Но мне было всё равно.

Я стояла в примерочной, глядя на себя в зеркало, и не узнавала отражение.

Кто эта девушка в белом?

Она выглядит спокойно.

Но я знала, что внутри неё всё кричит.

После платья мы поехали собирать приданое.

Чужие люди решали, что мне нужно в новой жизни.

Новая посуда, новые ковры, постельное бельё, мебель.

Я не выбирала ничего.

Я только кивала, когда меня спрашивали.

Какая разница, какие тарелки будут стоять на моей кухне, если это не мой дом?

Какая разница, какой узор будет на скатерти, если я буду смотреть на него каждый день с ненавистью?

Я видела, как женщины улыбались.

Как для них всё это было естественно.

Они не понимали.

Они не слышали этот грохот внутри меня.

И когда мы вернулись домой, когда мне сказали, что через два дня состоится никах...

Я поняла, что времени больше нет.

Если я не уйду сейчас...

Я уже не уйду никогда.

День свадьбы наступил слишком быстро.

Дом был полон гостей, повсюду слышался смех, женские голоса, звон посуды, шаги. Все суетились, следили за приготовлениями, приносили подносы с фруктами, раскладывали пледы, наспех поправляли наряды. Все было идеально, по правилам, как должно быть.

А я стояла в своей комнате, одетая в белое платье, и чувствовала, как моя жизнь рушится.

Я была невестой, но не чувствовала себя женщиной, идущей к счастью. Я чувствовала себя пленницей. Заключённой, которую ведут на казнь.

Я стояла у окна, глядя, как во дворе собираются мужчины. Братья, отец, родственники. Они шутили, смеялись, обсуждали что-то, но я не слышала слов.

Я думала только об одном.

Смогу ли я уйти?

Я знала, что за мной следят. Каждый мой шаг был под контролем. Даже сегодня, когда я хотела просто побыть одна, в комнате всегда находилась одна из женщин – то тётка, то дальняя родственница, то какая-то соседка, принесшая очередные наставления для невесты.

Меня не оставляли без присмотра. Они чувствовали, что я что-то задумала.

Но у меня не было плана.

Я надеялась на случай.

И он появился.

Когда гости начали собираться во дворе, меня наконец оставили одну. Буквально на несколько минут. Женщины вышли, чтобы встретить кого-то, и я осталась в комнате одна.

Моё сердце бешено заколотилось.

Я знала, что это мой единственный шанс.

Я подбежала к двери, заглянула в коридор. Никого.

Быстро, стараясь двигаться бесшумно, я прошла вдоль стен, скользнула мимо кухни, где кипела суета, и наконец добралась до черного хода.

Дверь была открыта.

Я вышла в никуда.

Свежий воздух ударил в лицо, платье зацепилось за порог, но я не остановилась.

Я бежала.

Босиком, по холодной земле, не зная, куда.

Главное – подальше от этого дома.

Потому что если меня поймают...

Я никогда больше не получу второго шанса.

Я бежала так, как никогда в жизни не бежала.

Воздух резал горло, лёгкие горели, ноги дрожали, но я не могла остановиться.

Если я остановлюсь, я умру.

Лес был тёмным, глухим, страшным, но он был моей един-

ственной надеждой. Мне нужно было добраться до другой стороны, выйти на дорогу, поймать попутку. Я не знала, куда ехать, не знала, что делать дальше, но главное – выбраться.

Я была босиком. Ноги горели от боли, каждый шаг отдавался огнём в ступнях, но я не обращала внимания.

Я сбежала.

Я сделала это.

Я ещё могла спастись.

Единственное, что у меня было с собой, – золотой браслет матери. Маленькая вещь, спрятанная в складках платья, которая могла спасти меня в будущем. Может быть, я смогу его продать. Может быть, обменять на еду или ночлег.

Может быть, я смогу выжить.

Но чем дальше я бежала, тем сильнее понимала, что лес – это ловушка.

Он был слишком густым, слишком диким. Темнота скрывала всё вокруг, деревья сжимались, как холодные пальцы, земля уходила из-под ног.

Я не знала, где нахожусь.

Я заблудилась.

Страх сдавил грудь.

Я обернулась.

Тишина.

Всё было слишком тихо.

Я замерла, пытаюсь прислушаться, стараясь не дышать.

И тогда я услышала их.

Шаги.

Голоса.

Они были близко.

– Она здесь.

Я развернулась, рванула вперёд, но что-то мелькнуло сбоку.

Рука схватила меня за волосы, дёрнула назад.

Я вскрикнула.

– Попалась, – раздался тяжёлый голос.

Меня бросили на землю.

Грубые руки схватили за плечи, вдавили в мокрую траву.

Я захрипела, извиваясь, пытаюсь вырваться.

– Держи её!

– Сестра решила нас опозорить, – голос Башира был тихим, но от этого только страшнее.

Я подняла голову, дыша тяжело и прерывисто.

Они стояли полукругом.

Братья.

Жених.

Все смотрели на меня одинаково.

Как на грязь.

Как на мусор, который нужно убрать.

– Ты знаешь, что ждёт девушку, которая сбегает в день свадьбы? – спросил один из братьев.

Моё тело свело от ужаса.

Я знала.

Я не была глупой.

Если женщину предадут смерти, её родные не будут плакать. Они не станут жалеть. Они будут говорить, что она сама виновата.

И никто не остановит их.

Я посмотрела на Башира.

Его лицо было каменным.

Ни капли сомнения.

Ни капли жалости.

– Мы смоем позор, – холодно сказал он.

Я зажмурилась, прижимаясь к земле.

Моя последняя надежда сгорела.

Я не выберусь отсюда.

Глава 6

Я не кричала.

Когда первый удар обрушился на моё лицо, я зажмурилась, но не издала ни звука.

Я не хотела давать им это удовлетворение.

Но боль была настоящей.

Меня бросило на землю, губы мгновенно наполнились кровью. Я попыталась подняться, но чья-то нога резко вдавила меня обратно.

– Не смей поднимать голову, – рычал один из братьев.

Ещё удар.

Я стиснула зубы.

Я знала, что они будут бить.

Я знала, что так будет.

Я ждала этого.

Но я не могла привыкнуть к боли.

К тому, что это делают мои братья.

– Ты опозорила нас, – холодно бросил Башир.

Ещё один удар.

Я захрипела, упала на бок, прижав руки к животу.

Они били методично.

Без эмоций.

Как будто я была не их сестрой.

Как будто я была никем.

Я попыталась спрятать лицо в траве, но меня снова дёрнули вверх, чтобы ударить ещё раз.

Голова мотнулась назад. Всё поплыло перед глазами.

– Ты знала, что так будет, – раздался голос жениха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.